

Первая книга об эволюции на русском языке: перевод и рецепция «Следов естественной истории творения» в России

А.В. ХРАМОВ

Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН, Москва, Россия; a-hramov@yandex.ru

Статья посвящена истории русского перевода эволюционистского трактата «Следы естественной истории творения» Р. Чемберса, который впервые был анонимно опубликован в 1844 г. в Англии и подготовил в этой стране почву для дарвинизма. В России этот трактат под заглавием «Естественная история мироздания» был издан в 1863 г., т. е. на год раньше, чем перевод «Происхождения видов» Ч. Дарвина, став, таким образом, первой книгой об эволюции на русском языке. Второе и последнее русское издание «Следов» вышло в 1868 г. Русский перевод «Следов» был выполнен не с английского оригинала, а с немецкого перевода К. Фогта, что имело большое значение для его восприятия. На основе архивных источников и периодики 1850–1860-х гг. в статье обсуждаются биография и взгляды переводчика «Следов», Александра Михайловича Пальховского (1832 — после 1905), дополнившего текст этого трактата обширными примечаниями. Показано, что Пальховский, медик по образованию, сделавшийся литератором, а позднее занявшийся адвокатурой, был близок к движению нигилистов и использовал перевод «Следов» для пропаганды материализма. Проанализированы отклики на перевод Пальховского, появившиеся в журналах и неперIODических изданиях. С одной стороны, демократическая печать приветствовала автора «Следов» как предшественника Дарвина, с другой стороны, критиковала его за многочисленные упоминания о Боге-Творце. Религиозная риторика «Следов» не встретила понимания и у православной общественности. Можно констатировать, что в России, как и в других странах, читатели восприняли «Следы» как амбивалентный текст, чей автор остановился на полпути между религией и материализмом.

Ключевые слова: теория эволюции, наука и религия, вульгарный материализм, Карл Фогт, Дарвин.

1859 год, когда Ч. Дарвин опубликовал «Происхождение видов», считается переломным рубежом, после которого эволюционизм из научной ереси превратился в научный мейнстрим. Но на родине самого Дарвина биологическая эволюция сдела-

лась объектом всеобщего внимания существенно раньше. Это произошло благодаря почти забытому ныне эволюционистскому трактату «Следы естественной истории творения» (“*Vestiges of Natural History of Creation*”), первое издание которого увидело свет в 1844 г. Эту книгу, опубликованную анонимно, написал шотландский издатель и журналист Роберт Чемберс (1802–1871) — он держал своё авторство в строжайшем секрете вплоть до самой смерти, опасаясь, что шумиха вокруг «Следов» может навредить его бизнесу и деловой репутации.

В отличие от Дарвина, Чемберс не был практикующим натуралистом, скорее его можно отнести к разряду научно-популярных авторов. Выстраивая свой эволюционный нарратив, Чемберс пересказывал — иногда довольно некритично — чужие научные работы, подчас впадая в крайности и делая очевидные ошибки, на что не раз указывали многочисленные критики «Следов». Но, несмотря на дилетантизм, Чемберсу удалось обрисовать довольно убедительную (на тот момент) картину эволюции всего мироздания, начиная от зарождения планетарных систем и заканчивая происхождением человека и культуры, и к тому же изложить её общедоступным языком, что и принесло «Следам» — а вместе с тем и эволюционной идее, которую они пропагандировали, — огромную, хотя и скандальную популярность.

«Викторианская сенсация» — так историк науки Джеймс Секорд назвал свою монографию, посвящённую восприятию «Следов» в английском обществе (Secord, 2000). И он имел на то все основания. Пожалуй, в Англии и Шотландии не было ни одного крупного периодического издания, которое бы не откликнулось на «Следы» рецензией или хотя бы карикатурой. «Следами» зачитывались и о них спорили и радикалы, и аристократы, принц Альберт читал их вслух королеве Виктории каждый вечер в Букингемском дворце (Secord, 2010, p. 168). Шотландский геолог и христианский апологет-антиэволюционист Хью Миллер (1802–1856) писал, что «теория развития» (*development hypothesis*) Ламарка, реанимированная благодаря автору «Следов», «так широко обсуждается в обществе, что едва ли можно проехать на поезде или пароходе, или столкнуться с группой образованных механиков, чтобы не обнаружить признаки её негативного влияния (*ravages*) [на умы]» (Miller, 1849, p. 19). В Англии, не говоря уже о США, только при жизни Чемберса «Следы» выдержали 11 изданий¹³, чей совокупный тираж составил почти 26 000 экз. (Secord, 2010, p. 168).

«Следы» продолжали пользоваться спросом у английских читателей и после публикации «Происхождения видов» — лишь к началу XX в. книга Дарвина обогнала, наконец, этот трактат по числу проданных экземпляров (Secord, 2010, p. 526). Поначалу даже казалось, что по своему воздействию на общественное мнение «Происхождение видов» уступает «Следам». В 1860 г. англиканский священник Ричард Черч (1815–1890) писал американскому ботанику Аза Грею (1810–1888): «книга Дарвина, отчасти благодаря большей серьезности и силе автора, и отчасти благодаря чуть большей мудрости публики, не создала такой шумихи [как “Следы”]. Быть может, она не так популярно написана и не так широко читается» (Church, 1894, p. 154).

«“Следы” были той книгой, знакомство с которой ожидалось от всех читателей “Происхождения видов”», — справедливо утверждает Секорд (Secord, 2000, p. 39). Оппоненты Дарвина особенно часто ставили «Происхождение видов» на одну доску со «Следами», пытаясь представить этот труд как очередную эволюционистскую

¹³ Вплоть до 10-го издания включительно, вышедшего в 1853 г., Чемберс продолжал дорабатывать и модифицировать текст.

спекуляцию, лишённую какой-либо принципиальной новизны. По словам Ричарда Оуэна (1804–1892), автор «Следов» рассуждал о механизмах эволюции отнюдь «не более поспешно и необоснованно», чем Дарвин ([Owen], 1860, р. 504). Убедённый антиэволюционист Адам Седжвик (1785–1873), в своё время обрушившийся с критикой на «Следы», усматривал похожие интонации и в «Происхождении видов» (Darwin, 1992, р. 397). Газета Daily News вообще обвинила Дарвина в плагиате по отношению к «Следам» (Schwartz, 1990).

Но в реальности Чемберс отстаивал совершенно иное представление об эволюции, чем Дарвин. В понимании автора «Следов» главной движущей силой эволюционного процесса служат перестройки эмбриогенеза — время от времени траектория зародышевого развития удлиняется за счёт добавления новых этапов, что приводит к появлению организмов с более сложным строением тела. Таким образом, в понимании Чемберса эволюция имеет скачкообразный характер, тогда как, по Дарвину, она происходит небольшими шажками. Чемберс был уверен в существовании закона прогрессивного развития, под действием которого простейшие организмы дают начало более сложным формам, а те, в свою очередь, порождают ещё более сложных существ, и так вплоть до появления высшего типа (Чемберс, 1863, с. 177). Эту врождённую тенденцию организмов к усложнению, по Чемберсу, дополняют адаптации к конкретным условиям среды. Похожим образом понимал эволюцию и Жан Батист Ламарк, так что, по сути, «Следы» были переизданием ламаркизма (хотя о самом Ламарке автор книги отзывался довольно пренебрежительно). Дарвин же, как известно, объяснял эволюцию действием естественного отбора, сопряжённого со случайной изменчивостью, и отрицал существование каких-либо внутренних сил или законов, которые бы направляли организмы по пути прогресса.

Неудивительно, что Дарвин сознательно пытался дистанцироваться от «Следов». В 1857 г. он просил Азу Грея не распространяться раньше времени о теории естественного отбора: «если кто-нибудь вроде автора “Следов” прослышит о них, он может легко их использовать, и тогда я должен буду цитировать работу, возможно, презираемую всеми натуралистами» (Darwin, 1990, р. 446). В то же время Дарвин, судя по его корреспонденции, внимательно следил за откликами на сочинение своего анонимного конкурента, как бы примеряя себя на его место: так, разгромную рецензию Седжвика на «Следы» он читал «со страхом и трепетом» (Darwin, 1987, р. 258). Сохранился экземпляр шестого издания «Следов» (1847) со множеством пометок Дарвина, и не исключено, что он был знаком с более ранними изданиями этой книги (Schwartz, 1990). Особую двусмысленность ситуации придавал тот факт, что Дарвина называли в числе возможных авторов «Следов». «Читали ли вы эту странную, нефилософичную, но превосходно написанную книгу — “Следы”; она вызвала больше толков, чем любой труд за последнее время, и кое-кто приписывает их мне, что для меня и лестно, и нелестно», — вопрошал Дарвин одного из своих корреспондентов в феврале 1845 г. (Дарвин, 1950, с. 298).

Несмотря на все свои недостатки, книга Чемберса стала поворотной точкой в истории английского эволюционизма, как пришлось признать самому Дарвину в историческом очерке, впервые добавленном к третьему изданию «Происхождения видов» (1861). По его словам, это произведение оказало «существенную пользу, обратив всеобщее внимание на обсуждаемый в ней предмет, устранив закоренелые предрассудки и подготовив, таким образом, почву для принятия аналогичных воззрений»

(Дарвин, 1939, с. 265). Позднее английский зоолог Уильям Карпентер (1813–1885) отметил, что учение Дарвина «было куда более охотно встречено непредвзятыми умами, чем он сам того ожидал. Многие из нас были подготовлены благосклонно принять его благодаря правдоподобной и в некоторых отношениях очень убедительной манере, в которой аналогичная доктрина была ранее изложена в “Следах [естественной истории] творения”» (Carpenter, 1889, p. 413). Аналогичного мнения придерживался и Альфред Уоллес (1823–1913), много лет спустя вспоминая, с каким «усердием и удовольствием» он в молодости читал «Следы» (Wallace, 1898, p. 138). Как было верно замечено автором биографии Чемберса, его книга «приняла на себя наиболее жестокие из тех ударов, что в противном случае обрушились бы на плечи Дарвина» (Millhauser, 1959, p. 5–6).

Если в англоязычном мире «Следы» стали настоящей сенсацией, то за его пределами они получили куда более скромный приём. В этом их судьба резко отличается от «Происхождения видов», которое почти сразу же завоевало всеобщее внимание и на континенте. Тем не менее нельзя сказать, что «Следы» были полностью проигнорированы в Европе — их перевели как минимум на пять европейских языков: дважды на немецкий, а также по одному разу на голландский, венгерский, итальянский и русский, в общей сложности известно 12 иноязычных изданий этого трактата (см. табл. 1). Переводы «Следов» на немецкий и голландский языки уже давно попали в поле зрения исследователей (Millhauser, 1959, p. 145–146; Rupke, 2000), тогда как история публикации этой книги на венгерском и итальянском языках была изучена лишь в последние годы (Straner, 2012, p. 80–112; Morlotti, 2014, 2015). Пожалуй, русскому переводу «Следов» в плане изученности повезло меньше всех — долгое время в англоязычной литературе даже отрицался сам факт его существования (Rupke, 2000). Первое упоминание о русском переводе «Следов» в зарубежных работах появилось лишь совсем недавно (Podani, Morrison, 2018). Но и в отечественных публикациях нельзя найти о нём практически никакой информации, кроме беглых упоминаний.

Единственной публикацией, специально посвящённой русскому переводу «Следов», до настоящего времени оставалась статья советского ботаника Б.М. Козо-Полянского (1890–1957), опубликованная 70 лет назад (Козо-Полянский, 1951). В ней довольно подробно проанализированы примечания А.М. Пальховского, переводчика книги, а также предпринята попытка связать его взгляды с материалистическими тенденциями 1860-х гг., выразившимися в творчестве Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского. Тем не менее в своей статье Козо-Полянский не осветил ряд важных вопросов. Во-первых, рассматривая мировоззрение Пальховского, он не привлёк к анализу его журнальные публикации и комментарии к другим переводам. Во-вторых, хотя русский перевод «Следов» был выполнен не напрямую с английского текста, а с немецкого перевода Карла Фогта, Козо-Полянский никак не коснулся тех примечаний Фогта, которые Пальховский не включил в русское издание. В-третьих, в статье Козо-Полянского ничего не сказано о реакции русского общества на появление перевода «Следов» и о тех сходствах и различиях, которые существовали в восприятии этого сочинения в России и Англии. Наконец, Козо-Полянскому не удалось почти ничего узнать о биографии Пальховского. Годы его жизни и даже полные имя-отчество, скрывающиеся за инициалами «А. М.», так и остались неизвестными. Козо-Полянский смог лишь сообщить (со слов некой Е.В. Векслер), что Пальховский служил присяжным стряпчим в Московском ком-

мерческом суде, а также был действительным членом Московского юридического общества¹⁴.

В настоящей работе я постараюсь восполнить эти пробелы в наших знаниях об истории русского перевода «Следов». С опорой на архивные данные и публикации 1850–1860-х гг. я очерчу жизненный путь и идейные убеждения переводчика книги Чемберса, чтобы лучше понять, как эта «викторианская сенсация» была перенесена на русскую почву и какие метаморфозы она в ходе данной процедуры претерпела. Это позволит пролить новый свет на малоизвестную главу из истории отечественного эволюционизма и в то же время проследить, как одни и те же эволюционные идеи воспринимались в разном социально-культурном контексте.

* * *

Александр Михайлович Пальховский, литератор и публицист, автор русского перевода «Следов», родился в 1832 г. в семье мелкого военного чиновника. Его отец, Михаил Иванович Пальховский (р. 1801), дослужившись до чина прапорщика, что в то время автоматически давало потомственное дворянство, в 1826 г. уволился из армии, чтобы поступить на гражданскую службу. Шесть лет он занимал мелкие чиновничьи должности на юге Центральной России, успев поработать, в частности, помощником надзирателя питейного сбора в Сапожковском уезде Рязанской губернии и чиновником особых поручений при Тамбовской казённой палате. В 1832 г., т. е. в год рождения Александра, его отец переходит в Военное министерство и получает место в Тамбовской комиссариатской комиссии — до создания Главного интендантского управления в 1864 г. такие комиссии в царской армии занимались вопросами тылового снабжения. В 1841 г. Пальховского-старшего переводят в Ставропольскую комиссариатскую комиссию¹⁵, а ещё год спустя назначают смотрителем Темнолесского военно-временного госпиталя, который был развёрнут недалеко от Ставрополя во время Кавказской войны.

Возможно, именно под влиянием отца, работавшего в военном госпитале, Александр и решил учиться на врача. После окончания Ставропольской губернской гимназии в 1852 г. его без экзаменов приняли на медицинский факультет Московского университета. Семья Пальховского, видимо, была стеснена в средствах, поэтому Пальховский жил и учился в Москве за казённый счёт, будучи определён в число кавказских воспитанников — в эту льготную категорию обычно зачисляли детей горцев и русских чиновников для бесплатного обучения в высших учебных заведениях с прицелом на последующую госслужбу в Кавказском крае¹⁶.

¹⁴ Биография Пальховского до сих пор оставалась загадкой и для историков литературы, которых он интересовал в качестве литературного критика, в частности, как автор одной из первых рецензий на «Грозу» А. Н. Островского. Вот как о нём писал литературовед Б. Ф. Егоров (2009, с. 131): «особенно отличался в вульгаризации добролюбовского метода А. Пальховский. Его имя неизвестно, как и даты жизни. Метеором промчался он по страницам «Московского вестника» 1859 года <...>, оставив по себе славу бойкого критика и чуть ли не ученика Добролюбова».

¹⁵ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 21. Д. 381. Дело о принятии в студенты Александра Пальховского.

¹⁶ Из «Отчетов о состоянии и действиях Императорского Московского Университета» за 1852–1853, 1853–1854 и 1854–1855 гг. следует, что студент Медицинского факультета Александр Пальховский состоял на содержании Закавказского края, принадлежал к духовному сословию и армяно-григорианскому вероисповеданию и ранее обучался в Лазаревском

Однако в 1857 г. Пальховский согласно собственному прошению был исключён из кавказских воспитанников¹⁷, а ещё спустя год покинул университет, отучившись на медицинском факультете четыре курса¹⁸. Неудивительно, что некоторые места в публицистике Пальховского выдают человека, не понаслышке знакомого с проблемами медицинского образования. Данный факт (помимо совпадения инициалов в сочетании с довольно редкой фамилией и проживанием в Москве) косвенно подтверждает, что А.М. Пальховский, известный по выступлениям в печати, и А.М. Пальховский, личные дела которого хранятся в архивных фондах Московского Императорского университета и Московского коммерческого суда (ЦГА Москвы) — это одно лицо.

Ещё в 1857 г. Пальховский начал вести в журнале «Общезанимательный вестник» рубрику «Медицинские письма». В ней Пальховский хлопотал о достойной подработке для студентов-медиков, рекомендуя приглашать их к молодым девушкам с частными уроками анатомии, физиологии и гигиены (весьма смелая по тем временам идея!). Такие занятия, по мнению Пальховского, подготовят барышень к будущему материнству, «студент же, со своей стороны, давая уроки из предметов своей специальности, не будет отвлекаться от собственных занятий <...> эти уроки для него будут повторением профессорских лекций» (Пальховский, 1857). В то же время, Пальховский довольно сурово отзывался об университетских порядках: «профессор в одно утро иногда должен проэкзаменовать человек *сто!*!» (там же)¹⁹. В статье, опубликованной двумя годами позднее, сквозит полное разочарование в медицинской профессии: «[считается], будто бы ни один врач без куса хлеба не останется, а еще, напротив, — то лошадку купит, то домик выстроит, то тысчонку-другую в ломбард положит. И вот мы лезем толпой на медицинский факультет, *per fas et nefas* хватаем лекарский диплом, который открывает нам доступ к кровати больного» (Пальховский, 1859). В итоге, сетовал Пальховский, получают «врачи поневоле, врачи без призвания, врачи-ремесленники», которые отдаются посторонним увлечениям, но совершенно не интересуются медицинской наукой.

Видимо, сам не чувствуя в себе такого призвания к врачебному делу, Пальховский и решил порвать с карьерой врача, полностью отдавшись публицистике и переводам. Он сотрудничает в ряде короткоживущих периодических изданий второго плана — помимо вышеупомянутого «Общезанимательного вестника» (1857–1858), Пальховский пишет также для журнала «Атеней» (1858–1859) и газет «Московский курьер» (1861) и «Московский вестник» (1859–1861). В основном он занимается литературной критикой — Пальховский не проходит мимо главных ли-

институте. За исключением первого пункта все эти сведения не находят подтверждения в личном деле Пальховского и, видимо, являются результатом какой-то ошибки. На самом деле Пальховский был дворянином православного вероисповедания и окончил Ставропольскую гимназию (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 21. Д. 381).

¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 274. Д. 70. Дело инспектора студентов Императорского Московского университета об увольнении студента Пальховского из числа кавказских воспитанников и принятии Кишмишева и Пугинова.

¹⁸ ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 275. Д. 28. Дело инспектора студентов Императорского Московского университета об увольнении студентов из университета по прошениям.

¹⁹ Здесь и далее весь курсив в цитатах принадлежит авторам.

тературных событий рубежа 1850—1860-х гг., таких как «Гроза» А.Н. Островского²⁰ и «Обломов» И.А. Гончарова²¹, но также откликается на произведения Н.М. Львова²², И.Г. Прыжова²³ и других тогдашних писателей. Пальховскому случается публиковать пьески собственного сочинения²⁴, а изредка из-под его пера выходят и научно-популярные статьи, например, об электричестве и атмосферных явлениях (Пальховский, 1858а).

Красной нитью сквозь публицистику молодого Пальховского проходит «женский вопрос», который в то время активно обсуждался в русском обществе. В одной из самых шумевших своих статей²⁵ Пальховский доказывал, что женщины предназначены для деторождения и потому не должны стремиться самостоятельно зарабатывать себе на жизнь и получать образование. Но такая позиция Пальховского отнюдь не означает, что его надо воспринимать как консервативно настроенного хранителя традиционных устоев — в конце концов, противниками женской эмансипации были и некоторые радикалы-социалисты вроде Пьера-Жозефа Прудона (1809—1865), трактат которого «Война и мир» в 1864 г. вышел в том же издательстве А.Ф. Черенина, что и русский перевод «Следов». Пальховский подошёл к «женскому вопросу» как вульгарный материалист: «человек [есть] прежде всего *животное, организм*», — прямо декларировал он (Пальховский, 1858б). Все рассуждения Пальховского в обсуждаемой статье построены на прямолинейной аналогии с общественными насекомыми: по его мнению, женщины должны брать пример с пчелиной царицы, которая, посвятив себя продолжению рода, не занимается трудом²⁶. Позже Пальховский пересмотрел свою позицию и признал за женщиной «право преимущественно жить головой, а не рожать только детей» (Мошешотт, 1863, с. 179), но склонность к биологическому детерминизму осталась при нём. Так, в предисловии к русскому переводу «Следов» Пальховский выразил надежду, что в будущем основой всех социальных наук станет антропология, «содержание которой почерпается из наблюдения над человеком как над одним из естественных явлений» (Чемберс, 1863, с. xii).

Подобный редукционизм был визитной карточкой радикалов-шестидесятников, которых с подачи И.С. Тургенева окрестили нигилистами. Всё, что не укладывалось в рамки опытных наук, подвергалось ими высмеиванию и отрицанию. Как выражался тургеневский Базаров, «принципов вообще нет, а есть ощущения». Или же, по словам Пальховского, «одни только идиоты могут толковать об идеях, не зависящих

²⁰ См. № 49 газеты «Московский вестник» за 1859 г.

²¹ См. № 28 и 42 газеты «Московский вестник» за 1859 г.

²² См. № 5—6 журнала «Атеней» за 1858 г., рецензия на пьесу Н.М. Львова «Не место крапит человека — человек место».

²³ См. № 9 газеты «Московский курьер» за 1861 г., рецензия на книгу И. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве» (1860).

²⁴ См. № 3 и 4 журнала «Общезанимательный вестник» за 1857 г.

²⁵ На неё, в частности, откликнулся начинающий критик Д.И. Писарев в журнале «Рассвет» (1859. № 7). Критическая статья с разбором аргументов Пальховского появилась также в «Отечественных записках» (1858. № 9) за подписью «Г. —».

²⁶ Хотя Писарев раскритиковал статью Пальховского, позже он сам также не брезговал привлекать энтомологию к рассмотрению общественных вопросов: «кто составляет общество и кто трудится — люди или муравьи — это решительно все равно» (Писарев, 1864, с. 23).

от опыта» (Чемберс, 1863, с. 317). Сложные исторические, нравственные, социально-политические проблемы шестидесятники стремились свести к элементарным фактам из области биологии и физиологии, таким как размер мозга или работа желудка. «Если картофель отчасти довел Ирландию до ее изумительной пассивности, то, в свою очередь, наше толокно участвовало в развитии апатии русского мужика», — на полном серьёзе заявлял Варфоломей Зайцев (1842–1882), публицист «Русского слова» и один из наиболее ярких представителей нигилистического направления, разбирая очередное сочинение Якоба Мошотта, переведённое на русский язык (Зайцев, 1863с, с. 57). Культ естествознания, понимавшегося в духе вульгарного материализма, среди шестидесятников порой доходил до экзальтации: «каждый из нас охотно пошел бы на эшафот и сложил свою голову за Мошотта и Дарвина», — впоследствии вспоминал Зайцев (Кузнецов, 1981, с. 188). Умонастроения радикальной молодежи 1860-х гг. в утрированном виде изобразил Ф.М. Достоевский в романе «Бесы», где упоминается нигилист-революционер, который вместо икон поставил сочинения Фогта, Мошотта и Бюхнера и зажигал перед ними церковные свечи.

Именно в такой атмосфере Пальховский и подготовил перевод «Следов», который под заглавием «Естественная история мироздания» вышел в свет в 1863 г. и, судя по дате цензурного разрешения (11 октября 1862), был завершён ещё раньше. Однако нельзя сказать, что до этого времени «Следы» были совсем неизвестны русской публике. Например, зоолог Н.А. Северцов (1827–1885) в лекции об «изменяемости животных видов», прочитанной 22 февраля 1860 г. в Санкт-Петербургском университете, довольно подробно остановился на разборе «Следов», охарактеризовав их автора как «начитанного дилетанта», чьё произведение преисполнено «фактических ошибок и натяжек в доказательствах и к науке собственно не относится» (Северцов, 1860). И тем не менее Северцов отмечал, что книга заслуживает внимания, поскольку она «имела успех в публике» и успела дважды выйти на немецком языке в переводе Карла Фогта, в 1851 и 1858 гг.²⁷ Собственно, Фогт и открыл «Следам» дорогу в Россию — без него книга английского анонима никого бы здесь не заинтересовала. Но поскольку Фогт был иконой русского нигилизма, всё, к чему он приложил свою руку, приобретало особую ценность. Вероятно, именно по этой причине «Следы» и попали на стол к Пальховскому. Он перевёл их со второго немецкого издания Карла Фогта от 1858 г., озаглавленного как «Естественная история сотворения Вселенной» и переведённого, в свою очередь, с шестого английского издания «Следов».

В предисловии к русскому изданию «Следов» Пальховский попытался объяснить, почему он взял за основу немецкий перевод, а не английский оригинал: «если вы сличите подлинник с фогтовым переводом, то найдете, что последний в литературном отношении стоит несравненно выше» (Чемберс, 1863, с. xiii). Это утверждение выглядит довольно сомнительно, учитывая, что на родине «Следов» на их читабельность не жаловался никто даже из самых суровых критиков. Более того, в одном из примечаний Пальховский откровенно сознаётся, что перед тем, как переводить «Следы», он даже не прочёл их: «я принялся за перевод предлагаемой книги, основываясь только на отзывах иностранных журналов о ее достоинстве и на беглом просмотре ее содержания,

²⁷ Ссылки на издание 1851 г. можно найти, например, в статье богослова В.Д. Кудрявцева (1860, с. 190–192). Показательно, что Кудрявцев ссылается лишь на примечания Фогта, но не основной текст. К обсуждению содержания самой книги он обратился лишь в более поздних работах, опубликованных после выхода в свет её русского перевода (см. ниже).

так что я с нею вполне познакомился, только переведа ея» (Чемберс, 1863, с. 293). Как же тогда Пальховский мог сравнить литературные качества исходного английского текста и его переводной версии? Очевидно, что он этого не сделал (даже если владел английским), а сразу же обратился к переводу Фогта. Маркетинговые соображения тут стояли на первом месте. Как отмечал Пальховский в одном из обзоров научных новинок, «[публика] с жадностью накинется на книги Молешотта, Фогта, потому что имена этих ученых ей уже давно по слуху, и пройдет мимо сочинений Гексли, Ляйеля, потому что об этих натуралистах она еще мало наслышалась» (Пальховский, 1865, столб. 119). Имя Карла Фогта, напечатанное крупным шрифтом на титульном листе перевода «Следов» (рис. 1), гарантированно должно было привлечь на эту книгу внимание русского читателя, особенно прогрессивной молодёжи.

Рис. 1. Титульные листы двух русских изданий перевода «Следов естественной истории творения», которые по-русски вышли под названием «Естественная история мироздания» (1863, 1868). Личное собрание автора, Российская государственная библиотека

Fig. 1. Title pages of two Russian editions of the translation of “Vestiges of the Natural History of Creation”, published in Russian under the title “Natural History of the Universe” (1863, 1868).

Personal collection of the author, Russian State Library

Уловка сработала — например, писатель-демократ Ф.М. Решетников (1841—1871), читавший книгу летом 1864 г., судя по его дневниковой заметке, проигнорировал предисловие Пальховского и был уверен, что имеет дело с произведением самого Фогта (Решетников, 1948, с. 275). В книжном магазине, основанном в Санкт-Петербурге Н.А. Серно-Соловьевичем (1834—1866), революционером и членом «Земли и воли», перевод «Следов» продавался вместе с «Физиологическими картинками» (1862) Л. Бюхнера, «Физиологическими письмами» (1863) К. Фогта и «Учением о пище» (1863) Я. Молешотта (Баренбаум, Барькин, 1988). Сам Пальховский одновременно со «Следами» перевёл книгу Молешотта «Физиологические эскизы», которая впервые была опубликована на русском языке в том же 1863 г. у того же издателя, А.Ф. Черенина. То есть «Следы» шли в одной обложке с переводными со-

чинениями вульгарных материалистов, которые на волне интереса к естественным наукам разлетались как горячие пирожки.

Книготорговец Анатолий Фёдорович Черенин (1826–1892), выпустивший первое русское издание «Следов» и два издания «Физиологических эскизов» Молешотта в переводе Пальховского, был близок к революционному движению. В 1860 г. он перебрался из Твери в Москву, где открыл книжный магазин с библиотекой, а затем завёл типографию. По данным следствия, Черенин допускал в своём магазине «сборища разных молодых людей, беседу их против правительства» (Полиновская, 1989, с. 68). В частности, постоянными посетителями и подписчиками библиотеки Черенина являлись Н.А. Ишутин (1840–1879) и члены его кружка, арестованные в 1866 г. после покушения Д.В. Каракозова на Александра II (Баренбаум, 1969, с. 94; Полиновская, 1989, с. 112–113). При обыске у Черенина была найдена рукопись перевода запрещённого произведения Л. Бюхнера «Сила и материя», подготовленная П.Г. Заичневским (1842–1896), лидером другого революционного кружка, состоявшего из московских студентов. Тем примечательнее, что «Следы», текст которых пересыпан благочестивыми отсылками к Творцу, пришлось к месту в этом рассаднике материализма и политического радикализма.

Сотрудничество с Черениным Пальховский продолжил участием в журнале «Книжник», который тот выпускал в 1865–1866 гг. для рекламы своего магазина. Этот журнал, по выражению одного из исследователей, представлял собой «воинствующий демократический орган» (Баренбаум, 1969). По своему идейному направлению «Книжник» примыкал к «Современнику» и «Русскому слову», которые были рупорами русского нигилизма 1860-х гг. На страницах «Книжника» пропагандировалась наука, основанная «на действительном изучении фактов жизни и окружающего нас мира» и способная «освободить людей от старых понятий и предрассудков» (Неизвестный автор, 1865, столб. 186). Пальховский находился на переднем крае этой идейной борьбы, отвечая в «Книжнике» за обзоры естественнонаучной литературы, как отечественной, так и зарубежной. Много говорит уже сам список переводных книг по биологии и антропологии, фигурирующих в его обзоре за 1864 г.: «Происхождение видов» Ч. Дарвина, «Положение человека в ряду органических существ» Т. Гексли и «Геологические доказательства древности человека» Ч. Лайеля (Пальховский, 1865).

Превращение Пальховского из литературного критика в популяризатора науки выглядит вполне закономерным для публициста 1860-х гг. В то время было в порядке вещей, что один и тот же человек пишет и о новинках литературы, и о состоянии современного естествознания. Например, на выход русского перевода Дарвина в 1864 г. откликнулись развернутыми рецензиями ведущие публицисты «Русского слова» и «Современника» Д.И. Писарев (1840–1868) и М.А. Антонович (1835–1918). Уже упоминавшийся В. Зайцев с одинаковой лёгкостью разбирал как сочинения Фета и Писемского, так и трактаты Молешотта и французского антрополога Жана-Луи Катрфажа. Пальховский на правах деятеля второго ряда входил в эту плеяду тружеников пера, работавших на ниве нигилизма. Хотя формально Пальховский принадлежал к дворянскому сословию, это, по-видимому, мало влияло на его самовосприятие. Пальховского можно охарактеризовать теми же словами, что были сказаны про Писарева: «[это] был вполне деклассированный дворянин (из тех дворян, которые вспоминали о своем происхождении лишь при заполнении официальных бумаг), по мироощущению — типичный разночинец» (Щербаков, 2016, с. 336). Медицинское

образование — ещё один штрих, который делает из Пальховского эталонного шестидесятника. Сын смотрителя провинциального военного госпиталя и недоучившийся студент-медик, Пальховский словно сошёл со страниц «Отцов и детей» (тургеневский Базаров, напомним, был студентом-медиком и сыном полкового лекаря). Кстати, Зайцев, *enfant terrible* демократической публицистики, как и Пальховский, тоже учился на медицинском факультете Московского университета и тоже бросил его на четвёртом курсе (в 1862 г.).

4 апреля 1866 г. в Летнем саду студент Дмитрий Каракозов выстрелил в Александра II. Каракозов входил в революционный кружок Ишутина, что не могло не привлечь внимание следствия к работодателю Пальховского — Черенину. 5 августа 1866 г. у него на квартире и в книжном магазине был произведён обыск, а летом следующего года по распоряжению властей магазин и библиотека Черенина окончательно остановили свою работу. В довершение всего 13 сентября 1867 г. Черенина арестовали и выслали в Пензу с пожизненным запретом заниматься книжным делом, который наложил лично Александр II. Издание «Книжника» прекратилось ещё раньше. Однако сам Пальховский ещё какое-то время продолжал свою переводческую деятельность²⁸ и даже смог осуществить второе издание перевода «Следов» — в 1868 г. его выпустил известный московский книготорговец и издатель Владимир Готьё.

Титульный лист перевода «Следов», вышедшего у Готьё (Чемберс, 1868), сообщает нам, что переиздание произведено «без перемены», однако это не совсем так. Во-первых, из второго издания пропало предисловие Пальховского, в котором говорилось об анонимном английском авторе, а вот упоминание о Фогте на титульном листе осталось, что ещё сильнее дезориентировало русского читателя относительно авторства этой книги. Во-вторых, книга обогатилась иллюстрациями, которые отсутствовали как в первом русскоязычном издании «Следов», так и в английских изданиях до 1860 г. Иллюстрации к изданию 1868 г., где представлены различные окаменелости и доисторические животные, были взяты у Фогта, который вставил их в перевод «Следов» из своего учебника геологии и палеонтологии («*Lehrbuch der Geologie und Petrefaktenkunde*»). Тем самым были учтены замечания критиков, сетовавших на отсутствие иллюстративного материала в черенинском издании: «как жаль, что издатель пропустил все рисунки, составляющие украшение немецкого перевода» (Неизвестный автор, 1863b, с. 212). В-третьих, в издании Готьё исчез обширный четырёхстраничный комментарий Пальховского по поводу научного познания (Чемберс, 1863, с. 317–321)²⁹, однако вряд ли это связано с изменением политической обстановки, поскольку другие его комментарии, не менее материалистические по своей сути, в книге остались.

8 мая 1868 г., в тот же год, когда вышло второе русскоязычное издание «Следов», Пальховский становится присяжным стряпчим (аналог современного адвоката)

²⁸ Среди переводов научно-популярной литературы, в подготовке которых Пальховский принимал участие во второй половине 1860-х гг., можно назвать такие книги, как «Популярная астрономия» (1866) Амеде Гиймена (1826–1893) и «Сон и сновидения» (1867) Альфреда Мори (1817–1892).

²⁹ Из издания 1868 г. исчез также комментарий XII в конце книги (Чемберс, 1863, с. 365–366), в котором Пальховский разъяснял это примечание.

при Московском коммерческом суде³⁰. Вероятно, пойти по этой более безопасной стезе Пальховский решил под впечатлением от разгрома издательства Черенина и волны арестов и сылок, обрушившихся на представителей радикальной интеллигенции после каракозовского выстрела. Впрочем, надо отметить, что вопросами права Пальховский начал интересоваться ещё в пору своей активной литературной и переводческой деятельности, о чём свидетельствуют его комментарии к переводу «Следов», на которых мы остановимся позднее. Принимая во внимание этот интерес, решение Пальховского заняться юридической практикой не выглядит неожиданным.

На новом поприще Пальховский, видимо, не оставил симпатий к радикализму. В 1871 г. в качестве присяжного стряпчего он выступил со стороны защиты в процессе нечаевцев, том самом, что дал Достоевскому повод к написанию уже упоминавшегося романа «Бесы». Участие Пальховского в деле нечаевцев не выглядит случайным, поскольку близкий друг Сергея Нечаева, писатель-народник Ф.Д. Нефёдов (1838–1902) был ведущим сотрудником и негласным редактором журнала «Книжник», для которого Пальховский писал. В частности, летом 1865 г., т. е. в то самое время, когда Нефёдов и Пальховский активно сотрудничали в «Книжнике», Нечаев какое-то время жил на московской квартире первого из них (Лурье, 2001, с. 39). Предполагается, что Нечаев, отличавшийся большой любовью к книгам, посещал книжный магазин и библиотеку Черенина (Полиновская, 1989, с. 108). Возможно, именно в это время Пальховский мог установить контакт с самим Нечаевым или с кем-то из его круга. Так или иначе, причастность к нечаевскому процессу лишней раз говорит о том, что присяжный стряпчий Московского коммерческого суда и бывший студент-медик Пальховский — это действительно тот самый человек, который перевёл «Следы».

В ходе судебных слушаний Пальховский защищал Александра Бутурлина (1845–1916), обвинявшегося в принадлежности к нечаевской «Народной расправе». Пальховский доказывал, что это обвинение несостоятельно, поскольку Бутурлин в Московском университете «в течение трех лет слушал медицину», «чувствовал искреннюю любовь к науке» и потому якобы не мог относиться сочувственно к лозунгам революционеров, «не имеющим ничего общего не только с научными выводами, ни даже с простым здравым смыслом» (Неизвестный автор, 1871, с. 6). Имелась ли в том заслуга Пальховского или нет, но Бутурлин был оправдан, чтобы позднее вновь попасть под арест — на этот раз по делу о подрыве поезда с царской свитой 19 ноября 1879 г. (Лурье, 2001, с. 400–401). Пальховский же продолжил заниматься адвокатурой и в 1876 г. выпустил объёмистое сочинение «О праве представительства на суде». Но к популяризации науки и литературной критике он более не возвращался. Самое позднее по времени выступление в печати, которое можно предположительно связать с этим деятелем, относится к 1905 г., когда за подписью А.М. Пальховского появилось предисловие к книге о нашумевшем процессе по поводу банкротства Екатеринбургского Коммерческого банка (Снегирёв, 1905). В предисловии Пальховский отстаивал невиновность одного из главных обвиняемых — председателя совета банка Е.П. Любарского-Письменного. Далее следы этого яркого персонажа, который за свою жизнь успел сменить три рода занятий — медицину, литературную деятельность и юриспруденцию, — окончательно теряются.

³⁰ ЦГА Москвы. Ф. 78. Оп. 12. Д. 240.

* * *

Вряд ли стоило бы столь подробно останавливаться на личности Пальховского, если бы его участие в русскоязычном издании «Следов» ограничилось ролью переводчика. Однако он был больше, чем переводчик. Пальховский — «по всему видно, что хороший, умный человек», как его охарактеризовал Зайцев (1883, с. 69), — фактически выступил как соавтор, дополнив трактат развёрнутыми комментариями (объёмом около 3 печатных листов, по подсчётам Козо-Полянского), которые зачастую не столько поясняли основной текст, сколько выражали его собственные взгляды. Любой перевод предполагает интерпретацию и потому выходит за рамки механического переложения с одного языка на другой. Но в ходе двойного перевода — с английского на немецкий и с немецкого на русский — «Следы» претерпели ещё более радикальную трансформацию. Если англоязычный оригинал «Следов» был монологичен, как это и полагается для произведений подобного жанра, то к моменту публикации на русском языке книга обросла отнюдь не беспристрастными комментариями Фогта и Пальховского и превратилась в полемический диалог трёх разных лиц. Пальховский вступает в дискуссию одновременно и с анонимным автором «Следов», и с комментариями Фогта к немецкому изданию. Соответственно, к русскому читателю попало сложносоставное, полифоническое произведение, и критики были вынуждены реагировать на голоса трёх авторов сразу — и Чемберса, скрывающегося за ширмой анонимности, и Фогта, и Пальховского. Я попытался расчленить клубок высказываний, сделанных в ходе этого заочного диалога, на несколько основных тем, которые и будут рассмотрены ниже.

Вопрос о неизменности видов и Дарвин

Перевод «Следов», опубликованный в 1863 г., стал первой книгой на русском языке, специально посвящённой теории эволюции. Первый русскоязычный перевод «Происхождения видов», подготовленный С.А. Рачинским (1833–1902), вышел годом позже. Хотя до этого эволюционные идеи Дарвина эпизодически упоминались в русской литературе, единственное подробное их изложение можно было найти лишь в переводной статье швейцарского зоолога Эдварда Клапареда (1832–1871), опубликованной анонимно в «Библиотеке для чтения» в 1861 г. (Чайковский, 1989)³¹. Тем не менее Пальховский был прекрасно осведомлён о теории Дарвина и осознавал, что своим переводом «Следов» прокладывает ей дорогу в Россию. Анонимный автор «Следов» был важен и интересен для Пальховского прежде всего, как наиболее выдающийся предшественник Дарвина: «после неудачной попытки Ламарка объяснить естественным образом развитие зоологических форм это сочинение [«Следы»] первое решает этот вопрос более или менее научно, сходясь в своих основных положениях с теорией Дарвина, которой в настоящее время принадлежит первое место в науке», — подчёркивал Пальховский в предисловии (Чемберс, 1863, с. xii). Указывая, что в «Происхождении видов» использован тот же пример быстрой изменчивости домашних животных, что и в «Следах» (а именно, появление породы анконских

³¹ До выхода перевода Рачинского русская публика, среди которой тогда мало кто знал английский, знакомилась с «Происхождением видов» главным образом по немецкому переводу Г. Бронна, опубликованному в 1860 г. (Чайковский, 1984).

коротконогих овец), Пальховский предполагал: «быть может, наш неизвестный автор навел этого великого натуралиста [Дарвина] на мысль о происхождении видов» (Чемберс, 1863, с. 263).

В одном из примечаний Пальховский вкратце пересказывает дарвиновское учение о «борьбе за существование» (Чемберс, 1863, с. 170–171). На тот момент в России было столь мало информации о теории Дарвина, что это примечание пошёл за долг перепечатать автор анонимной рецензии на перевод «Следов», опубликованной в «Библиотеке для чтения». Скорее всего, её написал литературный критик Е.Н. Эдельсон (1824–1868), постоянный сотрудник этого журнала, не чуждый естественнонаучной проблематике, который в следующем году разместил там же рецензию на «Происхождение видов» в переводе Рачинского (Харахоркин, 1959, с. 230). Эдельсон, как и Пальховский, рассматривал «Следы» как прелюдию к «Происхождению видов»: «до какой степени светлым умом обладает автор английского сочинения видно из того, что он предвидел теорию Дарвина об изменяемости видов в органическом мире, так много наделавшую шуму в последнее время» (Эдельсон, 1863, с. 59).

И всё же «Следы» в какой-то мере представляли самостоятельную ценность для читателей — об этом говорит тот факт, что их сочли нужным переиздать в 1868 г., хотя к тому времени «Происхождение видов» на русском было опубликовано уже дважды, в 1864, а затем и в 1865 г. (Конашев, Полевой, 2009). Похожая ситуация наблюдалась и в Англии, где «Следы» продолжали переиздаваться большими тиражами вплоть до 1890 г.³² В отличие от «Происхождения видов», тематика которого почти не выходила за пределы зоологии и ботаники, в «Следах», как уже говорилось, эволюция рассматривалась в гораздо более широкой перспективе. В ней можно было найти сведения об образовании планет, о происхождении рас, разума, языков, цивилизации, подробный обзор палеонтологической летописи. Название, под которым «Следы» стали известны русскому читателю — «Естественная история мироздания», — вполне отражало универсальность их содержания³³. Фактически это была своего рода популярная естественнонаучная энциклопедия, которая благодаря обильному иллюстративному материалу, украсившему второе издание, стала ещё более наглядной (что характерно, поздние издания этой книги в Англии также выпускались с иллюстрациями).

Если Пальховский смотрел на «Следы» сквозь призму дарвинизма, то Фогт переводил эту книгу на излёте додарвиновской эпохи и потому воспринимал её совершенно иначе. До того, как «Происхождение видов» заставило его поменять свои взгляды, Фогт стоял на позициях антиэволюционизма. Вслед за катастрофистами он считал, что история жизни на Земле прерывается глобальными катаклизмами, после которых новые виды появляются с чистого листа. Однако поскольку Фогт был противником религии, он верил, что за возникновением новых жизненных форм стоят неизвестные силы материи, а не сверхъестественные акты творения (Rupke, 2005). Именно эта антиэволюционистская установка и получила выраже-

³² Примерно 2/5 совокупного тиража «Следов» в Англии приходится на издания 1880–1890-х гг., т. е. «Происхождение видов» далеко не сразу вытеснило «Следы» с книжного рынка (Secord, 2000, p. 131, 525–527).

³³ Например, обозреватель журнала «Книжный вестник» отмечал, что после выхода в свет такого «прекрасного сочинения», как «Естественная история мироздания», где описывается «возникновение животных на Земле», переводить второсортную геологическую литературу было бы «совершенно излишней роскошью» (Неизвестный автор, 1863с, с. 245).

ние в примечаниях Фогта к переводу «Следов». Фогт категорично утверждал, что «ни один вид не переходит в другой, но что с каждой новой формацией связывается большее или меньшее уничтожение существовавших видов и замещение их новыми» (Чемберс, 1863, с. 117).

Пальховский аккуратно перевёл примечания, в которых Фогт нападал на эволюционизм, но к каждому из них добавил своё контрпримечание, критикуя немецкого натуралиста за «ослепление мыслью о неизменности видов» (Чемберс, 1863, с. 191). При этом Пальховский нередко ссылался на авторитет Дарвина: «заметка Фогта, как и все учение о *неизменяемости* видов, теряет свое значение с выходом в свет упомянутого выше сочинения Дарвина “On the origin of species”» (Чемберс, 1863, с. 170, см. также с. 92, 117). В. Зайцев (1863, с. 72) в своей рецензии на перевод «Следов» присоединился к критике антиэволюционистских воззрений Фогта, тоже не преминув взять в союзники автора «Происхождения видов»: «по счастью, после Дарвина никому в голову не может придти, что виды организмов — неизменяемы, абсолютны». Это ещё одно свидетельство того, что дарвиновская теория, будучи ещё относительно малоизвестной в России, самим фактом своего существования оказала сильнейший отпечаток на восприятие «Следов» — если бы сочинение Чемберса было переведено на русский ещё пятью годами ранее, оно было бы встречено гораздо более прохладно.

Впрочем, судя по более ранним статьям Пальховского, сам он испытывал симпатии к эволюционизму ещё до знакомства с теорией Дарвина. Например, ещё в 1858 г. в статье, посвящённой атмосферным явлениям, Пальховский (1858а, с. 512) мимоходом отметил:

Насекомые не могли явиться на свет раньше существ, устроенных проще их. Другими словами: насекомые не могли явиться раньше кольчатых животных. Следственно, производящая причина насекомых есть кольчатое животное. А потому, чтобы определить, что такое насекомое, мне нужно изучить, каким путем, какими превращениями кольчатое животное преобразовалось в насекомое.

Интересно, что в «Следах» встречаются похожие филогенетические построения: «насекомые, которые стоят почти во главе членистых, в бытность личинкой <...> походят на кольчатого червя, а кольчатые черви занимают самую низшую ступень в классе членистых» (Чемберс, 1863, с. 145). Так что «Следы» вошли в резонанс собственным эволюционистским кредо Пальховского. Можно утверждать, что работа над переводом этого сочинения была для него не просто данью всеобщей моде на естествознание, а сознательным вкладом в популяризацию эволюционизма в России.

Самозарождение жизни

Как известно, вопрос о том, откуда взялись первоначальные формы жизни, ставшие отправной точкой для эволюции, в XIX в. постоянно всплывал в дискуссиях между сторонниками и противниками эволюционной теории. Сам Дарвин отвечал на него довольно уклончиво, полагая, что он не относится к существу дела и лежит за пределами научного познания. Зародилась ли жизнь в «маленьком теплом пруду» или же её вдохнул Творец — по мнению Дарвина, это совершенно безраз-

лично для понимания эволюции (Peretó et al., 2009). Чемберс занимал куда более однозначную позицию по этому вопросу, будучи убеждённым сторонником гипотезы самозарождения: «жизнь возникает ежечасно в наших обыкновенных настоях и тому подобных веществах и, будь ей место и необходимые условия, она прошла бы там по всем ступеням своего развития» (Чемберс, 1863, с. 178). Более того, Чемберс верил в то, что даже сложные организмы могут возникать прямо из неорганического вещества — он с одобрением ссылаясь на опыты Эндрю Кросса и Уильяма Уикса, английских естествоиспытателей-любителей, которым незадолго до публикации «Следов» якобы удалось «создать» мелких клещей в ходе длительного пропускания электрического тока через солевые растворы.

Пальховский вслед за Фогтом отвергал эти опыты, полагая, что клещи попали в реторту извне: «в настоящее время ни глисты, ни насекомые никем уже не заподозреваются в *первичном* зарождении» (Чемберс, 1863, с. 136). Однако по части самозарождения микроорганизмов Пальховский был полностью солидарен с автором «Следов», подчёркивая, что условия «для перехода неорганического вещества в органическое» вполне вероятно существуют даже в настоящее время (Чемберс, 1863, с. 150). Пройти мимо этой животрепещущей темы Пальховский никак не мог, ведь незадолго до того, как он сел за перевод «Следов», между французскими натуралистами Феликсом Пуше и Луи Пастером развернулась знаменитая дискуссия о возможности самозарождения жизни. Победителем в этой дискуссии Французская академия наук признала Пастера, присудив ему в 1862 г. денежный приз. Однако Пальховского это решение совершенно не убедило, и в примечаниях он обрушился на Пастера в довольно грубых выражениях: «господа, восстающие против произвольного зарождения самых низших организмов, доказывают этим только, что они плохие философы». Пальховский подчёркивал, что химики уже умеют синтезировать некоторые органические вещества и, следовательно, не за горами и создание «простейших зоологических форм», тогда как «все эти труды Пастеров и иных прочих, хотя и венчаемые Парижской академией, суть в сущности ни что иное, как неудачные попытки людей, не умеющих даже вопрос поставить как следует» (Чемберс, 1863, с. 364–365).

Позиция Пальховского встретила понимание не у всех читателей русского перевода «Следов»: «переводчик, склоняющийся на сторону автора в некоторых мнениях <...> напрасно унижает достоинство труда Пастера о произвольном зарождении, если Пастер и не решил этого вопроса вполне, то по крайней мере показал, что при настоящих условиях науки произвольное зарождение не может быть доказано опытным путем» (Неизвестный автор, 1863, с. 192). Тем не менее, Пальховский был далеко не одинок — на Пастера ополчились и другие представители радикальной мысли, понимая, что его опыты льют воду на мельницу религии. Сам Пастер, будучи верующим католиком и человеком довольно консервативных взглядов, этого не скрывал. В 1864 г., выступая в Сорбонне, он заявил, что существование самозарождения будет означать триумф материализма и сделает ненужным понятие о Боге-Творце (Geison, 1995, p. 110–111). Поэтому многие радикалы без колебаний заняли сторону противников Пастера. Бюхнер (1907, с. 96–97) в поздних изданиях «Силы и материи» с большой симпатией отзывался о Пуше и его единомышленниках, а Писарев, который посвятил спору Пастера и Пуше специальную статью, обвинил Французскую академию в гонениях на истину (Писарев, 1865). Из этих примеров видно, что подчёркнутое неприятие Пастера не было личной причудой Пальховского, а свидетельствовало о его принадлежности ко вполне определённой идейной лагере.

Социальный вопрос

Роберт Чемберс, вместе со своим братом Уильямом возглавлявший один из крупнейших издательских домов страны, был частью буржуазного истеблишмента — его кандидатуру выдвигали даже на должность лорда-провоста (мэра) Эдинбурга. Он никогда не вынашивал планов радикального переустройства общества, но это не мешало использовать «Следы» как предлог для обсуждения подобных проектов. Как уже говорилось, в этом трактате затрагивался широкий круг вопросов, и в числе них — вопрос о природе преступности. Под впечатлением от работ бельгийского математика Адольфа Кетле (1796–1874), посвящённых моральной статистике³⁴, Чемберс утверждал, что психические явления в той же мере подчиняются закономерностям, что и явления физические (всеобщая законоподчинённость и регулярность — центральная тема «Следов»): хотя поведение конкретного человека предсказать нельзя, среднее число совершаемых из года в год преступлений можно спрогнозировать довольно точно. Этот взгляд на преступность как на порождение объективных социальных законов встретил горячий отклик у русских нигилистов, руководствовавшихся базаровским лозунгом «исправьте общество и болезней не будет».

В предисловии и примечаниях к «Следам» Пальховский писал о необходимости «радикальной реформы» уголовного права, «точкой опоры» которого должны стать опыт и наблюдение (Чемберс, 1863, с. ix). «Возникновение преступлений подлежит строгим законам», — указывал он (Чемберс, 1863, с. 295). По мнению Пальховского, люди встают на кривую дорожку вследствие ненормальных условий среды, воспитания или наследственности, и, следовательно, вместо того, чтобы наказывать преступников, правосудие должно их лечить и перевоспитывать. Уголовному праву «предстоит превратиться в *“нравственную терапию”*», т. е. в науку о средствах исцеления преступника от его нравственной болезни, о средствах превращения преступника в полезного общественного деятеля» (Чемберс, 1863, с. 296).

Эту мысль подхватил В.А. Зайцев в своей рецензии на перевод «Следов». Этот глашатай нигилизма увидел «одно из главных достоинств» «Следов» в попытке автора подвести естественнонаучный базис под социальные вопросы. Рассуждая о принципах моральной статистики, изложенных в «Следах», согласно которым «из 650 французов [ежегодно] один необходимо *должен* совершить преступление», Зайцев (1863, с. 73) делал вывод: «наказывать человека за преступление — ведь это все равно, что наказывать его за то, что он оступился и упал». В том же году Зайцев опубликовал в «Русском слове» статью «Естествознание и юстиция», в которой изложил эту точку зрения более подробно: «всякое преступление, при каких бы обстоятельствах ни было совершено, есть внешнее выражение физиологических или патологических явлений нашего организма и, следовательно, может так же мало влечь за собой ответственность, как какое-нибудь наружное уродство, например, горб или кривизна шеи» (Зайцев, 1863b, с. 119). Можно предположить, что именно знакомство с переводом «Следов» и комментариями Пальховского подсказало Зайцеву основную идею этой статьи, что является ярким примером того, как эволюцио-

³⁴ В 1842 г., т. е. незадолго до публикации «Следов», издательский дом братьев Чемберсов опубликовал перевод «Трактата о человеке», основополагающей работы Кетле (Millhauser, 1959, p. 109–110).

нистский трактат английского анонима мог повлиять на русскую радикальную публицистику.

Несмотря на то что статистический подход автора «Следов» к общественным проблемам импонировал русским радикалам, их не мог не раздражать его провинциализм. Чемберс воспринимал болезни нравственные и физические как временные трудности на пути к высшему совершенству. Он полагал, что закон неуклонного прогресса, которому подчиняется мировая эволюция, является гарантией дальнейшего поступательного развития человечества. Таков был предвечный план Творца, и, следовательно, рано или поздно добро восторжествует — надо просто немного подождать. Разумеется, политических радикалов такая примиренческая установка не устраивала. «Эх, почтеннейший англичанин, все вы не то толкуете!» — восклицал Пальховский. «Вы скажите-ка нам лучше кое-что о *социальном* зле, напр., хоть о вашем знаменитом английском пролетариате, научите-ка нас как с *подобным* злом разделяться. Это будет пополезнее... Но только беда в том, что при таком вопросе у всякого либерального, и с виду очень доброжелательного англичанина язык прилипает к гортани...» (Чемберс, 1863, с. 337). И далее Пальховский — фактически превращая примечания к естественнонаучному трактату в площадку для политической агитации — сетовал на нежелание английских правящих классов снизить имущественный ценз и допустить в парламент представителей рабочего класса.

В 1866 г. с похожей критикой в адрес автора «Следов» выступила «Искра» — сатирический журнал демократической направленности. Провинциальный учитель-ретроград Иван Добронравов, главный герой одного из фельетонов, был изображён «Искрой» как сторонник теодицеи анонимного англичанина. Добронравов едет в конном фургоне к паровой пристани и проповедует своим попутчикам смирение, увещевая их избегать «болезненного недовольства доставшимися на вашу долю жизненными обстоятельствами». Глядя на одну из попутчиц, бедно одетую плачущую женщину с маленьким ребёнком, Добронравов предаётся философствованию:

Плакала женщина, плачет другая. Мужа ли она потеряла, любовник ли ей изменил и оставил ее на белом свете одну, беспомощную и с ребенком <...>! Какая же законная необходимость ее существования? Не лучше ли всем неизменно наслаждаться аппетитом, здоровьем, беспечальной жизнью и вечно петь песни и веселиться, как того желают вздорные отрицатели?.. Нет, и тысячу раз нет, ибо не отведавши горького, не узнаешь цены сладкому, ибо только после некоторых несчастий найдем мы высокую сладость в счастье. Да и что такое несчастье? Вспомнились мне заключительные главы из “истории мироздания” известного английского ученого, переведенного на русский язык Пальховским, и именно та глава, где автор, рассуждая о происхождении зла, говорит со свойственным ему величием гения, что все тысячелетия, прожитые человечеством, суть в сравнении с вечностью менее чем капля в океане, а следовательно и все бедствия, пережитые людьми с самого их появления на земле, совсем не стоит считать за существенные страдания (Неизвестный автор, 1866, с. 397).

Таким образом, в глазах русской общественности «Следы» были весьма амбивалентным текстом — в нём можно было разглядеть и ретроградность, и, наоборот, зачатки прогрессивного подхода к социальным вопросам. Эта амбивалентность «Следов» особенно ярко проявилась при обсуждении их религиозной составляющей.

Эволюция и религия

Насыщенность религиозной риторикой — это одна из наиболее ярких особенностей «Следов», которая резко выделяет эту книгу среди всех остальных эволюционистских трактатов того времени. Её страницы буквально пересыпаны упоминаниями о Творце, а эволюция понимается как «творение посредством законов» (creation by law) — такой образ действий, по мнению Чемберса, говорит о величии и премудрости Бога. Вместо того, чтобы собственноручно создавать новые виды живых существ на всём протяжении земной истории, Бог действовал гораздо мудрее, переложив эту задачу на законы природы и точно спланировав начальные условия для получения желаемого результата. Вслед за автором «Следов» этот аргумент подхватил оксфордский математик и священник Баден Пауэлл в своём «Эссе о духе индуктивной философии, единстве миров и философии творения» (1855), а всеобщее признание он получил уже в дарвиновскую эпоху среди богословов, настроенных на компромисс с наукой. Так что «Следы» имели решающее значение не только для распространения эволюционистских идей как таковых, но и для возникновения теистического эволюционизма, т. е. религиозно-философской доктрины, которая отождествляет процесс эволюции с божественным сотворением мира.

Хотя позднее доводы Чемберса о совместимости эволюционизма и религии стали общим местом в сочинениях христианских апологетов, первоначально они были встречены с большим недоверием. Как отмечает Джеймс Секорд, автора «Следов» подозревали в неискренности и радикалы-материалисты, и воинствующие защитники религии (Secord, 2000, p. 314). И тем, и другим казалось, что многочисленные отсылки к Богу-Творцу в тексте «Следов» — это не более чем уступка общественному мнению, красивая обертка, не имеющая отношения к сути вопроса. Поэтому английские социалисты-оуэниты не видели препятствий к тому, чтобы использовать «Следы» в пропаганде материализма и свободомыслия. Например, политическая активистка и агитатор Эмма Мартин (1811–1851) в 1846 г. прочитала серию лекций, посвящённую «Следам» (Secord, 2000, p. 316). Уильям Чилтон (1815–1855), постоянный сотрудник, а затем и главный редактор первой в Англии атеистической газеты «Оракул разума», с удовлетворением констатировал, что автор «Следов» «ясно видит все ребячество и детский лепет общепринятого вероучения, о чем снова и снова твердили атеисты, получая в ответ лишь анафемы и оскорбления» (C[hilton], 1844). В то же время Чилтон отмечал, что автора «Следов», несмотря на нападки консервативной прессы, нельзя считать материалистом, поскольку он полностью не отказался от учения о Боге-Творце (Chilton, 1846).

За пределами Англии подчёркнутая религиозность «Следов» также представлялась многим весьма искусственной. Артур Шопенгауэр сетовал, что автор этого произведения примешивает к эволюции «еврейский теизм», понимая природу как «заранее обдуманную искусную фабрикацию еврейского бога». В этой связи Шопенгауэр отмечал (2001, с. 120), что в Англии из-за засилья клерикалов «даже у наиболее сведущих и просвещенных людей система принципов представляет собою смесь грубейшего материализма с самым пошлым иудейским суеверием». Карл Фогт в примечаниях к переводу «Следов» также дал волю своему атеизму, настаивая, что «всякое представление о находящейся вне мира сущности творца или законодателя ведет к абсурду» (Chambers, 1858, s. 240). Споря с автором «Следов», Фогт писал, что «сами законы могут и не быть разумными, существование благих целей (которые благи лишь по отношению к людям)

можно оспорить почти повсюду; а внешне соотносящийся с законами дух и без того есть досужая, совершенно необоснованная выдумка, не имеющая под собой никаких оснований» (Chambers, 1858, s. 10). Как и многим английским читателям, Фогту временами казалось, что религиозность «Следов» — это лишь лицемерная уловка: «или же автор предполагает наличие бессмертного духа только для того, чтобы успокоить теологов?» (Chambers, 1858, s. 276).

Все эти антирелигиозные примечания Фогта к немецкому изданию «Следов» исчезли из перевода Пальховского³⁵. Можно с уверенностью сказать, что это было связано с цензурными соображениями, поскольку все остальные примечания Фогта (даже те, с которыми Пальховский был не согласен) в книге остались. Тем не менее Пальховский попытался нейтрализовать религиозные пассажи в тексте «Следов» своими собственными примечаниями — хотя они не были такими откровенными, как у Фогта, их смысл считывался довольно легко. Так, Пальховский писал, что представление о разумности и целесообразности окружающего мира — это иллюзия нашего сознания, которое проецирует вовне свои собственные установки: «нет ничего удивительного, что человек находит в природе разум, он в этом случае походит только на тех беспамятных болтунов, которые передают вам от вас же слышанный рассказ и воображают, что сообщают неизвестную вам новость» (Чемберс, 1863, с. 142). Утверждать, что в природе «есть сила, способная сознательно действовать согласно цели», могут лишь люди, «не знакомые с сущностью естественных явлений» (Чемберс, 1863, с. 141). В примечаниях к своему переводу «Физиологических эскизов» Мошотта Пальховский также обрушивался на телеологию: в природе «существует взаимная зависимость, а целесообразности нет» (Мошотт, 1863, с. 124). Так что представления Чемберса о целенаправленности эволюции и её подчинённости Божественному замыслу у Пальховского вызывали не больше симпатий, чем у Фогта.

Попытка автора «Следов» усидеть на двух стульях вызвала особое негодование со стороны Зайцева. В стремлении «сохранить о себе хорошее мнение достойного англиканского духовенства и всех ханжей соединенного королевства» Зайцев (1863, с. 66) усматривал «наивность», «лицемерие» и «низость». Автор «Следов», писал Зайцев (1863, с. 63), «прежде всего боится обвинения в материализме и поэтому не упускает ни одного случая защититься от этого упрека». Зайцев предупреждал, что «читателю [“Следов”] угрожает опасность быть одураченным», поскольку под религиозной шелухой он может сразу не разглядеть материалистической сути эволюционизма. Отсюда видно, что, подобно английским и немецким радикалам, русские нигилисты рассматривали религиозные доводы не как органичную часть «Следов», а как досадную помеху, затемняющую основной смысл этого сочинения. Примечательно, что для Эдельсона, как и для Зайцева, главное значение «Следов» также заключалось в материализме: «эта книга — очень интересное явление в нашей литературе», поскольку «автор старается, и не без успеха, привести все так называемые “духовные проявления” человека в строгое взаимоотношение к общей истории материального развития Земли» (Эдельсон, 1863, с. 61).

³⁵ На исчезновение ряда примечаний Фогта (не касаясь их содержания) обратил внимание один из рецензентов, который привёл номера соответствующих страниц в немецком издании 1858 г.: s. 10, 240, 260, 276 (Неизвестный автор, 1863b). Также в русском переводе исчезли примечания Фогта, расположенные на страницах 140, 144 и 261. Все они без исключения затрагивают религию.

Религиозная риторика «Следов» поначалу не убедила и поборников веры. В «Духовном вестнике», издававшемся по инициативе Макария (Булгакова), архиепископа Харьковского и Ахтырского, эволюционная теория Чемберса (со ссылкой на перевод Пальховского) излагалась весьма карикатурно: «ему кажется весьма вероятным, что первоначальный человек произошел от преобразования большей твари, вроде лягушки — преобразования, при котором происходило облагорожение и одухотворение, но от этой большой лягушки теперь не осталось никаких следов» (Красовский, 1865, с. 13). Из «Духовного вестника» этот курьезный пересказ основной идеи «Следов» почти дословно перекочевал в антиэволюционное сочинение «О происхождении органических существ» (1883), принадлежавшее перу философа В.Д. Кудрявцева-Платонова (1828–1891), профессора Московской духовной академии. От себя Кудрявцев-Платонов добавил, что религиозная обёртка, в которую неизвестный автор книги упаковал эволюционистские идеи, — это всего лишь фикция. «Автор “Естественной истории мироздания” во всем своем сочинении очень кстати и некстати говорит о Боге, о провидении, о мудрости и благодати Его намерений и пр., хотя весь ход его исследований показывает сильное желание устранить из истории мира все сверхъестественное и истинно божественное» (Кудрявцев-Платонов, 1883, с. 89). Но со временем этот скепсис улетучился — священник С.Д. Богословский (1876–1926) в популярно написанной апологетической брошюре, изданной Комиссией по организации чтений для фабрично-заводских рабочих, вместе с высказываниями других верующих учёных, таких как И. Ньютон и Л. Агассиц, цитировал религиозные пассажи из русского перевода «Следов», приписывая их самому Карлу Фогту (!) (Богословский, 1911, с. 49–50). Таким образом, в своих целях «Следы» в России пытались использовать не только материалисты, но и сторонники религии.

* * *

Поскольку текст «Следов» поддавался двоякой интерпретации — в нём можно было увидеть и упражнение в духе естественного богословия, и завуалированный материализм, — это сочинение на европейские языки переводили представители диаметрально противоположных идеологий (см. табл. I). К религиозно-клерикальной группе переводов можно отнести, во-первых, голландский перевод Яна ван ден Брука, которому было предпослано предисловие химика Геррита Яна Мульдера (1802–1880), монархиста и протестантского ультраортодокса (кстати, в его лаборатории какое-то время работал Мошешотт). Во-вторых, сюда же относится первое немецкое издание «Следов», которое в 1846 г. независимо от Фогта подготовил Адольф Зейберт, объединив под одной обложкой трактат Чемберса и направленное против него сочинение Уильяма Хьюэлла «Знаки Творца» (*Indications of the Creator*) (Rupke, 2000). Наконец, к этой группе примыкает итальянский перевод, выполненный католическим священником Франческо Майокки, который, судя по его примечаниям, не видел ничего зазорного в эволюционизме, но испытывал некоторые сомнения по поводу происхождения человека от приматов, подчёркивая, что человек — это «голова» и «центр» всего творения, а не просто случайный гость во Вселенной (Morlotti, 2015, p. 157–158). К радикально-материалистической группе переводов следует причислить немецкий перевод Фогта, русский перевод Пальховского, а также, возможно, венгерский перевод, подготовленный юристом Йожефом Шомоди, участником Венгерской революции 1848–1849 гг. Впрочем, о взглядах Шомоди остаётся только догадываться, так как он никак не обозначил

своей позиции в предисловии или примечаниях, а другие его литературные работы неизвестны (Straner, 2012).

Как и в других странах континентальной Европы, в России «Следы» не стали сенсацией, однако нельзя сказать, что публикация этого сочинения прошла незамеченной. Как мы видели, на эту книгу откликнулись журналы «Русское слово»³⁶, «Библиотека для чтения», «Искра», «Духовный вестник», «Книжный вестник». Да, эволюционная теория, изложенная в «Следах», в России уже не шокировала никого своей новизной, как это было в 1844 г. в Англии, а воспринималась лишь как прелюдия к дарвинизму. И всё же в том, как «Следы» были встречены в России и других странах, прослеживается много общего. В нашей стране, как и за рубежом, эту книгу — во многом вопреки намерениям её автора — пытались поднять на знамя радикальные элементы, недовольные существующим политическим строем и господствующей религией. Многие русские читатели, точно так же как английские или немецкие, видели в «Следах» двойственное произведение, балансирующее на грани между радикализмом и охранительством, атеизмом и верой в божественного Творца. Дискуссия о соотношении эволюционизма и религиозного мировоззрения в нашей стране началась именно с русского перевода «Следов». Поэтому можно утверждать, что «Следы», да простят мне этот каламбур, оставили свой небольшой, но всё-таки ощутимый след в истории отечественной мысли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44042.

Литература

Баренбаум И.Е. А.Ф. Черенин и его журнал «Книжник» (к истории демократического книжного дела второй половины XIX века) // Книга. Исследования и материалы. Сб. XIX. М.: Книга, 1969. С. 94–113.

Баренбаум И.Е., Барыкин В.Е. Революционно-демократические и прогрессивные издательства, типографии и книжные магазины в 1850–1870-х гг. // Книга в России. 1861–1881 / под ред. И.И. Фроловой. М.: Книга, 1988. С. 86–155.

Богословский С.Д., свящ. Откуда произошел мир и человек. Ч. 1. М.: тип. штаба Московского военного округа, 1911. 128 с.

Бюхнер Л. Сила и материя. СПб.: Васильев А.И., 1907. 291 с.

Дарвин Ч. Избранные письма. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 391 с.

Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Сочинения. Т. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 831 с.

Егоров Б.Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. М.: Летний сад, 2009. 663 с.

[*Зайцев В.*] Естественная история мироздания // Русское слово. 1863а. № 5. С. 62–74.

[*Зайцев В.*] Естествознание и юстиция // Русское слово. 1863б. № 7. С. 98–127.

[*Зайцев В.*] Учение о пище // Русское слово. 1863с. № 8. С. 49–57.

Козо-Полянский Б.М. А.М. Пальховский — забытый дарвинист-шестидесятник // Природа. 1951. № 5. С. 73–77.

³⁶ «Следы» дважды становились объектом внимания «Русского слова»: помимо упомянутой выше рецензии В. Зайцева, подробный пересказ этого трактата в августовском номере за 1863 г. там опубликовал Н.В. Шелгунов (1824–1891).

Конашев М.Б., Полевой А.В. Издания «Происхождения видов» Ч. Дарвина в России и СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. Т. 30. № 2. С. 24–37.

Красовский И. Новейшая теория происхождения человека и вообще происхождения видов // Духовный вестник. 1865. № 9. С. 1–38.

Кудрявцев В.Д. О происхождении на земле рода человеческого // Православное обозрение. 1860. № 2. С. 173–203.

Кудрявцев-Платонов В.Д. О происхождении органических существ: Теория трансформации. М.: тип. Лаврова М.Н. и ко., 1883. 108 с.

Кузнецов Ф. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М.: Молодая гвардия, 1981. 335 с.

Лурье Ф.М. Нечаев. Созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. 432 с.

Молешотт Я. Физиологические эскизы / Пер. с примеч. А. Пальховского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Грачев В. и Черенин А., 1863. 238 с.

Неизвестный автор. Естественная история мироздания // Книжный вестник. 1863а. № 11. С. 191–192.

Неизвестный автор. Естественная история мироздания // Книжный вестник. 1863б. № 12. С. 212.

Неизвестный автор. Геологические этюды // Книжный вестник. 1863с. № 14. С. 244–245.

Неизвестный автор. Полное собрание Генриха Гейне в переводе русских писателей // Книжник. 1865. № 3. Столб. 185–187.

Неизвестный автор. Путевые впечатления Ивана Добронравова // Искра. 1866. № 30. С. 395–400.

Неизвестный автор. Заседание Санкт-Петербургской судебной палаты, 31 июля и 2 и 3 августа 1871 года, по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России // Биржевые ведомости. 1871. № 213. С. 4–7.

Пальховский А. Медицинские письма // Общезанимательный вестник. 1857. № 10. С. 376–382.

Пальховский А. Озон // Общезанимательный вестник. 1858а. № 11, 12. С. 510–517; 549–558.

Пальховский А.М. Еще раз о женском труде. По поводу журнальных толков об этом в просе // Атены. 1858б. № 5–6. С. 487–503.

Пальховский А. Наш современный портрет // Московский вестник. 1859. № 42. С. 521–526.

Пальховский А. О книгах по естественным наукам за прошлый и нынешний год // Книжник. 1865. № 2, 4. Столб. 115–125; 279–290.

Писарев Д.И. Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 7. С. 1–46.

Писарев Д.И. Подвиги европейских авторитетов // Русское слово. 1865. № 6. С. 165–186.

Полиновская Л.Д. А.Ф. Черенин (1826–1892) и его книгопродавческая и издательская деятельность. Дисс. М.: 1989. 223 с.

Решетников Ф.М. Юношеские произведения. Отрывки из дневника. Письма // Полное собрание сочинений. Т. 6. Свердловск: ОГИЗ, 1948. 423 с.

Северцов Н. Зоологическая этнография. Исследования о видоизменениях зверей и птиц // Русское слово. 1860. № 4. С. 18–65.

Снегирев Л.Ф. Екатеринославский процесс. М.: Судебные драмы, 1905. 130 с.

Харахоркин Л.Р. Из истории борьбы дарвинизма с религией в России // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. Т. 3. С. 222–248.

Чайковский Ю.В. «Происхождение видов». Загадки первого перевода // Природа. 1984. № 7. С. 88–96.

Чайковский Ю.В. Первые шаги дарвинизма в России // Историко-биологические исследования. Вып. 10. М.: Наука: 1989. С. 121–141.

[*Чемберс Р.*] Естественная история мироздания. М.: Черенин А., Ушаков А., 1863. 367 с.

[*Чемберс Р.*] Естественная история мироздания. М.: Готье В., 1868. 391 с.

Шоненгауэр А. Parerga и Paralipomena // Собрание сочинений. Т. 5. М.: Республика, 2001. 527 с.

Щербаков В.И. Д.И. Писарев и литература эпохи негилизма. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 415 с.
[*Эдельсон Е.Н.*] Естественная история мироздания // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 56–61.

Carpenter W.B. Nature and Man: Essays Scientific and Philosophical. New York: D. Appleton and Co., 1889. 483 p.

[*Chambers R.*] Natürliche Geschichte der Schöpfung des Weltalls, der Erde und der auf ihr befindlichen Organismen, begründet auf die durch die Wissenschaft errungenen Thatsachen. Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn, 1858. 330 S.

Chilton W. “Materialism” and the author of “Vestiges” // The Reasoner. 1846. № 1. P. 7–8.

C[hilton] W. “Vestiges of the Natural History of Creation”. Theory of Regular Gradation // The Movement. 1844. № 56. P. 9–12.

Church R.W. Life and letters of Dean Church. London: Macmillan and Co., 1894. 428 p.

[*Darwin C.*] The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 3. 1844–1848. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 576 p.

[*Darwin C.*] The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 6. 1856–1857. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 720 p.

[*Darwin C.*] The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 7. 1858–1859. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 671 p.

Geison G.L. The Private Science of Louis Pasteur. Princeton: Princeton University Press, 1995. 378 p.

Miller H. Foot-prints of the Creator, or, the Asterolepis of Stromness. London: Johnstone and Hunter, 1849. 313 p.

Millhauser M. Just Before Darwin: Robert Chambers and “Vestiges”. Middletown: Wesleyan University Press, 1959. 426 p.

Morlotti S. Storia naturale della creazione: Le Vestigia dell’evoluzionismo italiano. MSc Thesis. Milano, 2014. 180 p.

Morlotti S. Non rivoluzioni, ma evoluzioni. Francesco Majocchi, le scienze naturali e il progresso civile // Storia in Lombardia. 2015. Anno XXXV. P. 5–35.

[*Owen R.*] Darwin on the Origin of Species // Edinburgh Review. 1860. № 3. P. 487–532.

Peretó J., Bada J.L., Lazcano A. Charles Darwin and the Origin of Life // Origins of Life and Evolution of Biospheres. 2009. Vol. 39. P. 395–406.

Podani J., Morrison D.A. A Concise Bibliography and Iconography of Vestiges, Including an Overlooked Use of the Tree Icon // Annals of the History and Philosophy of Biology. 2018. Vol. 23. P. 55–79.

Rupke N. Translation Studies in the History of Science: The Example of “Vestiges” // The British Journal for the History of Science. 2000. Vol. 33. P. 209–222.

Rupke N.A. Neither Creation nor Evolution: the Third Way in Mid-Nineteenth Century Thinking about the Origin of Species // Annals of the History and Philosophy of Biology. 2005. Vol. 10. P. 143–172.

Secord J.A. Victorian Sensation. The Extraordinary Publication, Reception and Secret Authorship of the *Vestiges of the Natural History of Creation*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2000.

Schwartz J.S. Darwin, Wallace, and Huxley, and “Vestiges of the Natural History of Creation” // Journal of the History of Biology. 1990. Vol. 23. P. 127–153.

Straner K. Science, Translation and the Public: The Hungarian Reception of Darwinism, 1858–1875. PhD Thesis. Budapest, 2012. 263 p.

Wallace A.R. The Wonderful Century. Toronto: George N. Morang, 1898. 400 p.

Таблица I. Переводы «Следов естественной истории творения»
(Rupke, 2000; Straner, 2012; Morlotti, 2015).

Язык перевода	Переводчик	Название на языке перевода	Год первого издания перевода и его переизданий	Издание «Следов», с которого был выполнен перевод
Немецкий	Адольф Зейберт (1819–1890)	Spuren der Gottheit in der Entwicklungs- und Bildungsgeschichte der Schöpfung	1846	3-е издание (1845)
Немецкий	Карл Фогт (1817–1895)	Natürliche Geschichte der Schöpfung des Weltalls, der Erde und der auf ihr befindlichen Organismen, begründet auf die durch die Wissenschaft errungenen Thatsachen	1851, 1858	6-е издание (1847)
Голландский	Ян Хуберт ван ден Брук (1815–1896)	Sporen van de natuurlijke geschiedenis der schepping, of schepping en voortgaande ontwikkeling van planten en dieren, onder den invloed en het beheer der natuurwetten	1849, 1850, 1854, 1866	6-е издание (1847)
Итальянский	Франческо Майокки (1820–1865)	Storia Naturale della Creazione	1860	3-е издание (1847)
Венгерский	Йожеф Шомоди (1825–1897)	A teremtés termézet-történelmének nyomai	1858, 1861	10-е издание (1853)
Русский	Александр Пальховский (1832 — после 1905)	Естественная история мироздания	1863, 1868	6-е издание (1847) в немецком переводе К Фогта (1858)

The first printed book about evolution in Russian: translation and reception of “Vestiges of the Natural History of Creation” in Russia

ALEXANDER V. KHRAMOV

Borissiak Paleontological institute RAS, Moscow, Russia; a-hramov@yandex.ru

The paper is devoted to the history of Russian translation of “Vestiges of Natural History of Creation” by Robert Chambers. This book, first anonymously published in England in 1844, paved the way for Darwinism in this country.. “Vestiges” appeared in Russian in 1863, i.e. one year before the Russian translation of “On the Origin of Species”, thus becoming the first book about evolution available in the Russian language. The second and last Russian edition of “Vestiges” was published in 1868. This book was translated into Russian not from the original English but from Carl Vogt’s German translation, and published under the title “The Natural History of the Universe”, which significantly affected its perception. Based on the archival documents and little-known journal publications from the 1850s and 1860s, a new light is shed on the life and views of Alexander M. Palkhovskii (1832 — after 1905), a man who translated “Vestiges” and supplemented it with lengthy commentaries. It is shown that Palkhovskii, a former medical student who first turned to writing and then to legal profession, was close to the nihilists and political radicals, and sought to use the translation of “Vestiges” to propagate materialism. While in Russia, like in other countries of continental Europe, “Vestiges” created no sensation, it nevertheless drew considerable attention. Russian radical press hailed the anonymous author of “Vestiges” as a predecessor of Darwin but, at the same time, blamed him for mingling science with religion. The Orthodox Christian authors also doubted the sincerity of numerous religious passages, scattered throughout the text of “Vestiges”. It can be concluded that in Russia, like elsewhere, “Vestiges” was perceived as a deeply ambivalent text halfway between materialism and religion.

Keywords: theory of evolution, science and religion, vulgar materialism, Carl Vogt, Charles Darwin.

References

- Barenbaum I.E. (1969). A.F. Cherenin i ego zhurnal “Knizhnik” (k istorii demokraticeskogo knizhnogo dela vtoroi poloviny XIX veka) [A.F. Cherenin and his journal “Booklover” (to the history of democratic publishing business of the second half of the XIX century)], *Kniga. Issledovaniia i materialy* [Book. Researches and materials], (Coll. XIX, pp. 94–113), Moscow: Kniga. (in Russian).
- Barenbaum I.E., Barykin V.E. (1988). Revoliutsionno-demokraticheskie i progressivnye izdatel'stva, tipografii i knizhnye magaziny v 1850–1870-kh gg. [Revolutionary, democratic and progressive publishing houses, printing offices and bookshops during the 1850–1870s], *Kniga v Rossii. 1861–1881* [Book in Russia. 1861–1881] (pp. 86–155), Moscow: Kniga. (in Russian).
- Bogoslovsky S.D. (1911). *Otkuda proizoshel mir i chelovek. Ch. 1* [Where have man and the world come from. Part 1], Moscow: tip. shtaba Moskovskogo voennogo okruga. (in Russian).
- Buchner L. (1907). *Sila i materiia* [Force and Matter], St. Petersburg: A.I. Vasil'ev. (in Russian).
- Carpenter W.B. (1889). *Nature and Man: Essays Scientific and Philosophical*, New York: D. Appleton and Co.
- Chaikovskiy Yu.V. (1984). “Proiskhozhdenie vidov”. Zagadki pervogo perevoda [“The origin of species”. Mysteries of the first translation], *Priroda* [Nature], 7, 88–96. (in Russian).

Chaikovskiy Yu.V. (1989). Pervye shagi darvinizma v Rossii [The first steps of darwinism in Russia], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia* [Studies in the History of Biology], 10, 121–141. (in Russian).

[Chambers R.] (1858). *Natürliche Geschichte der Schöpfung des Weltalls, der Erde und der auf ihr befindlichen Organismen, begründet auf die durch die Wissenschaft errungenen Thatsachen*, Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn. (in German).

[Chambers R.] (1863). *Estestvennaia istoriia mirozdaniia* [The natural history of the universe], Moscow: Cherenin A., Ushakov A. (in Russian).

[Chambers R.] (1868). *Estestvennaia istoriia mirozdaniia* [The natural history of the universe], Moscow: Got'e V. (in Russian).

Chilton W. (1846). “Materialism” and the author of “Vestiges”, *The Reasoner*, 1, 7–8.

[Chilton] W. (1844). “Vestiges of the Natural History of Creation”, *Theory of Regular Gradation, The Movement*, 56, 9–12.

Church R.W. (1894). *Life and letters of Dean Church*, London: Macmillan and Co.

Darwin C. (1950). *Izbrannye pis'ma* [Selected letters], Moscow: Izdatel'stvo inostranoï literatury. (in Russian).

Darwin C. (1939). *Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora. Sochineniia. T. 3.* [On the Origin of Species by Means of Natural Selection. Writings. Vol. 3], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (in Russian).

[Darwin C.] (1987). *The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 3. 1844–1848*, Cambridge: Cambridge University Press.

[Darwin C.] (1990). *The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 6. 1856–1857*. Cambridge: Cambridge University Press.

[Darwin C.] (1992). *The Correspondence of Charles Darwin. Vol. 7. 1858–1859*. Cambridge: Cambridge University Press.

[Edelson E.N.] (1863). *Estestvennaia istoriia mirozdaniia* [The natural history of the universe], *Biblioteka dlia chteniia* [Bibliotheca for reading], 10, 56–61. (in Russian).

Egorov B.F. (2009). *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Selected works. Esthetical ideas in the the XIX Century's Russia], Moscow: Letnii sad. (in Russian).

Geison G.L. (1995). *The Private Science of Louis Pasteur*, Princeton: Princeton University Press.

Kharakhorkin L.R. (1959). Iz istorii bor'by darvinizma s religiei v Rossii [From the history of Darwinism-religion controversy in Russia], *Ezhegodnik Muzeia istorii religii i ateizma* [Annual of the museum of religion and atheism], 3, 222–248. (in Russian).

Kozo-Poliansky B.M. (1951). A.M. Palkovsky — zabytyi darvinist-shestidesiatnik [A.M. Palkovsky — a forgotten Darwinist of the sixties], *Priroda* [Nature], 5, 73–77. (in Russian).

Konashev M.B., Polevoy A.V. (2009). Izdaniia “Proiskhozhdeniia vidov” Ch. Darvina v Rossii i SSSR [Editions of “Origin of species” by Darwin in Russia and USSR], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Issues of the history of natural science and technology], 30 (2), 24–37. (in Russian).

Krasovskiy I. (1865). Noveishaia teoriia proiskhozhdeniia cheloveka i voobshche proiskhozhdeniia vidov [The newest theory of the origin of man and species in general], *Dukhovnyi vestnik* [Spiritual bulletin], 9, 1–38. (in Russian).

Kudriavtsev V.D. (1860). O proiskhozhdenii na zemle roda chelovecheskogo [On the origin of the human race on the Earth], *Pravoslavnoe obozrenie* [Eastern Orthodox Review], 2, 173–203. (in Russian).

Kudriavtsev-Platonov V.D. (1883). *O proiskhozhdenii organicheskikh sushchestv: teoriia transformatsii* [On the origin of organic species: Transformation theory], Moscow: tip. Lavrova. (in Russian).

Kuznetsov F. (1981). *Publitsisty 1860-kh godov. Krug “Russkogo slova”* [Publicists of the 1860-s. The circle of the “Russian Word”], Moscow: Molodaia gvardiia. (in Russian).

Lurie F.M. (2001). *Nechaev. Sozidatel' razrusheniia* [Nechaev. Creator of destruction], Moscow: Molodaia Gvardiia. (in Russian).

Miller H. (1849). *Foot-prints of the Creator, or, the Asterolepis of Stromness*, London: Johnstone and Hunter. (in Russian).

Millhauser M. (1959). *Just Before Darwin: Robert Chambers and "Vestiges"*, Middletown: Wesleyan University Press.

Moleshott J. (1863). *Fiziologicheskie eskizy* [Physiologisches Skizzenbuch], Moscow: Grachev V. i Cherenin A. (in Russian).

Morlotti S. (2014). *Storia naturale della creazione: Le Vestigia dell'evoluzionismo italiano*, MSc Thesis, Milano. (in Italian).

Morlotti S. (2015). Non rivoluzioni, ma evoluzioni. Francesco Majocchi, le scienze naturali e il progresso civile, *Storia in Lombardia*, XXXV, 5–35. (in Italian).

[Owen R.] (1860) Darwin on the Origin of Species, *Edinburgh Review*, 3, 487–532.

Palkhovskiy A. (1857). Meditsinskie pis'ma [Medical letters], *Obshchezanimatel'nyy vestnik* [Popular bulletin], 10, 376–382. (in Russian).

Palkhovskiy A. (1858a). Ozon [Ozone], *Obshchezanimatel'nyy vestnik* [Popular bulletin], 11, 12, 510–517, 549–558. (in Russian).

Palkhovskiy A.M. (1858b). Eshche raz o zhenskom trude. Po povodu zhurnal'nykh tolkov ob étom voprose [Once more on the woman labor. With regard to the discussion on this issue in the journals], *Atenei* [Atenei], 5–6, 487–503. (in Russian).

Palkhovskiy A. (1859). Nash sovremennyy portret [Our modern portrait], *Moskovskiy vestnik* [Moscow herald], 42, 521–526. (in Russian).

Palkhovskiy A. (1865). O knigakh po estestvennym naukam za proshlyi i nyneshniy god [Review of the natural science books of this and past years], *Knizhnik* [Booklover], 2, 4, 115–125, 279–290. (in Russian).

Peretó J., Bada J.L., Lazcano A. (2009). Charles Darwin and the Origin of Life, *Origins of Life and Evolution of Biospheres*, 39, 395–406.

Pisarev D.I. (1864). Progress v mire zhiivotnykh i rastenii [Progress in the world of animals and plants], *Russkoe slovo* [Russian word], 7, 1–46. (in Russian).

Pisarev D.I. (1865). Podvigi evropeiskikh avtoritetov [Feats of the European authorities], *Russkoe slovo* [Russian word], 6, 165–186. (in Russian).

Podani J., Morrison D.A. (2018). A Concise Bibliography and Iconography of Vestiges, Including an Overlooked Use of the Tree Icon, *Annals of the History and Philosophy of Biology*, 23, 55–79.

Polinovskaya L.D. (1989). *A.F. Cherenin (1826–1892) i ego knigoprodavcheskaya i izdatel'skaya deiatel'nost'* [A.F. Cherenin (1826–1892) and his bookselling and publishing business], PhD thesis, Moscow. (in Russian).

Reshetnikov F.M. (1948). *Iunosheskie proizvedeniia. Otryvki iz dnevnika. Pis'ma. Polnoe sobranie sochinenii*. V. 6 [Early works. Excerpts from the diary. Letters. Complete works. Vol. 6], Sverdlovsk: OGIZ. (in Russian).

Rupke N. (2000). Translation Studies in the History of Science: The Example of "Vestiges", *The British Journal for the History of Science*, 33, 209–222.

Rupke N.A. (2005). Neither Creation nor Evolution: the Third Way in Mid-Nineteenth Century Thinking about the Origin of Species, *Annals of the History and Philosophy of Biology*, 10, 143–172.

Schwartz J.S. (1990). Darwin, Wallace, and Huxley, and "Vestiges of the Natural History of Creation", *Journal of the History of Biology*, 23, 127–153.

Schopenhauer A. (2001). *Parerga i Paralipomena. Sobranie sochinenii*. T. 5. [Parerga and Paralipomena. Collected works. Vol. 5], Moscow: Respublika. (in Russian).

Secord J.A. (2000). *Victorian Sensation. The Extraordinary Publication, Reception and Secret Authorship of the Vestiges of the Natural History of Creation*, Chicago, London: The University of Chicago Press.

Severtsov N. (1860). Zoologicheskaya etnografiia. Issledovaniia o vidoizmeneniiakh zveri i ptits [Zoological ethnography. Researches on the transformations of mammals and birds], *Russkoe slovo* [Russian Word], 4, 18–65. (in Russian).

Shcherbakov V.I. (2016). *D.I. Pisarev i literatura èpokhi nigilizma* [Pisarev and the literature of the Russian nihilism], Moscow: IMLI RAN. (in Russian).

Snegirev L.F. (1905). *Ekaterinoslavskii protsess* [Ekaterinoslav trial], Moscow: Sudebnye dramy. (in Russian).

Straner K. (2012). *Science, Translation and the Public: The Hungarian Reception of Darwinism, 1858–1875*, PhD thesis, Budapest.

Unknown author (1863a). Estestvennaia istoriia mirozdaniia [The natural history of the universe], *Knizhnyi vestnik* [Book bulletin], 11, 191–192. (in Russian).

Unknown author (1863b). Estestvennaia istoriia mirozdaniia [The natural history of the universe], *Knizhnyi vestnik* [Book bulletin], 12, 212. (in Russian).

Unknown author (1863c). Geologicheskie etiudy [Geological sketches], *Knizhnyi vestnik* [Book bulletin], 244–245. (in Russian).

Unknown author (1865). Polnoe sobranie Genrikha Geïne v perevode russkikh pisatelei [Complete works of Heinrich Heine in the translation of the Russian writers], *Knizhnik* [Booklover], 3, 185–187. (in Russian).

Unknown author (1866). Putevye vpechatleniia Ivana Dobronravova [Travel impressions by Ivan Dobronravov], *Iskra* [Spark], 30, 395–400. (in Russian).

Unknown author (1871). Zasedanie Sankt-Peterburgskoi sudebnoi palaty, 31 iulia i 2 i 3 avgusta 1871 goda, po delu o zagovore, sostavlennom s tsel'iu nisproverzheniia sushchestvuiushchego poriadka upravleniia v Rossii [Trial in the Saint-Petersburg 's court chamber on the conspiracy against Russian government held on 31 July , 2 and 3 August 1871], *Birzhevye vedomosti* [Stock market news], 213, 4–7. (in Russian).

Wallace A.R. (1898). *The Wonderful Century*, Toronto: George N. Morang.

[Zaitsev V.] (1863). Estestvennaia istoriia mirozdaniia [The natural history of the universe], *Russkoe slovo* [Russian Word], 5, 62–74. (in Russian).

Zaitsev V. (1863b). Estestvoznaniie i iustitsiia [Natural sciences and the justice], *Russkoe slovo* [Russian Word], 7, 9–127. (in Russian).

[Zaitsev V.] (1863c). Uchenie o pishche [The teaching on the food], *Russkoe slovo* [Russian Word], 8, 49–57. (in Russian).